

- ⁷⁰ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 125.
- ⁷¹ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 732, л. 85–85 об.
- ⁷² Там же, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 252 об., 253–253 об.
- ⁷³ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 307–308.
- ⁷⁴ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 263–263 об.
- ⁷⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 348–349.
- ⁷⁶ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. М, 2010. С. 333.
- ⁷⁷ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 139 об.
- ⁷⁸ Там же, ф. 652, оп. 1, д. 378, л. 64–64 об., 65 об.
- ⁷⁹ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 737, л. 78 об.–79 об.
- ⁸⁰ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 220 об.
- ⁸¹ Газенкамтф М.А. Мой дневник. 1877–78 гг. СПб., 1908. С. 282.
- ⁸² ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 225 об., 226; ф. 652, оп. 1, д. 378, л. 66–67.
- ⁸³ Переписка И.И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III // *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005. С. 209.
- ⁸⁴ Там же. С. 250.
- ⁸⁵ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 641, л. 81.
- ⁸⁶ Газенкамтф М.А. Указ. соч. С. 281–282.
- ⁸⁷ Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 251–252.
- ⁸⁸ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 187, 189–190.
- ⁸⁹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 641, л. 81 об.
- ⁹⁰ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 353.
- ⁹¹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 641, л. 85.
- ⁹² Там же, д. 669, л. 178.
- ⁹³ Там же, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 266–266 об.
- ⁹⁴ Там же, ф. 652, оп. 1, д. 378, л. 79 об., 80 об.
- ⁹⁵ Из переписки Александра Александровича. С. 133–134.
- ⁹⁶ Письма Победоносцева. С. 112, 113.
- ⁹⁷ Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 212.
- ⁹⁸ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. С. 334.
- ⁹⁹ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 267.

© 2011 г. Н. Ф. БУГАЙ*

ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: 1950–1990-е годы

Преобразования в социальной сфере российского многонационального объединения в 1990-х гг. – начале XXI в. сделали актуальной еще одну проблему жизни советского общества – реабилитацию этнических общностей, подвергшихся ранее деструктивным воздействиям со стороны органов государственной власти. В очередную «кампанию» были вовлечены фактически все этнические общности, которым пришлось в 1930–1950-х гг. перенести лишения принудительных переселений. Они в большей

* Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности. Становление гражданского общества в России». В основу статьи положены материалы состоявшегося в Нальчике (Кабардино-Балкарская АССР) в августе 1960 г. совещания заместителей председателей Советов Министров, крайисполкомов, облисполкомов республик, краев и областей Северного Кавказа, руководителей министерств РСФСР, на котором рассматривались вопросы о ходе реабилитации народов.

мере являлись необоснованными, по своей сути и направленности разрушительными, наносящими вред экономике государства, моральному состоянию сообщества и национальному сознанию граждан.

Рассматриваемую проблему начали изучать только в конце 1980-х гг. и непосредственно в ходе очередного этапа реабилитации народов, обусловленного принятием Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.). В этот период было опубликовано много исследований по данной теме¹. Ценное значение для разработки проблемы имели и появившиеся сборники документов и материалов². Тем не менее вопрос о реабилитации этнических общностей в СССР до настоящего времени остается спорным, он приобрел дискуссионный характер. Прежде всего не получен ответ на вопрос: почему одни и те же этнические общности, подвергшиеся депортации, прошли повторную реабилитацию, а те из них, на кого эти акции не распространялись во второй половине 1950–1960-х гг., так и остались в стороне от процесса реабилитации. Например, в отношении этнических общностей Северного Кавказа (калмыков, карачаевцев, ингушей, чеченцев, балкарцев) эти акции проводились повторно. К сожалению, для советских немцев, болгар, греков, армян, поляков, татар из Крыма, представителей этнических общностей Закавказья – курдов, турок-месхетинцев, хемшилов, проживавших в России, а также для российских казаков к началу 1990-х гг. процесс реабилитации на государственном уровне не завершился.

Политические акции, связанные с депортацией народов в 1940–1950-х гг., ответственность за них в современной российской историографии, как правило, возлагаются на И.В. Сталина как руководителя государства, а также на Н.И. Ежова и Л.П. Берия – руководителей «силовых» министерств. Глубокое и всестороннее изучение материалов по теме, сопоставление вышедших в свет новых публикаций позволяет сделать вывод: не только Сталин, Езов и Берия были виновниками применения взятых из прошлого мер по «наказанию» граждан. Нельзя забывать о руководителях служб, ведомств и министерств, а также аналитиках, экспертах, советниках, которые готовили справки, донесения с мест заключения о состоянии дел в государстве, в том числе и о настроениях граждан. Кем они являлись, каково было их социальное, национальное и партийное положение? Российская историография умалчивает об истинных вершителях этой политики. Тем не менее раскрытие этого вопроса помогло бы охарактеризовать многие направления столь сложной проблемы, показать цели сторонников подобных мер, возникавшие при этом трудности и сделать, наконец, выводы, соответствующие истинному положению дел как в масштабе всей страны, так и применительно к ее региону.

Подобного мнения придерживаются и представители многих ранее репрессированных народов. Так, исследователь проблемы административно-правового состояния российских немцев на спецпоселении в 1941–1955 гг. профессор Л.П. Белковец утверждает, что положение этнических общностей, подвергшихся специальному административно-правовому режиму, предполагало некоторое ограничение их прав (главным образом на свободу передвижения за пределы территории расселения). Однако они не лишались права на жизнь, права голоса (участвовали в выборах Верховного Совета СССР 1946 г.)³. Более того, автор считает, что и депортация, и режим спецпоселения не являются «тягчайшим преступлением сталинского тоталитаризма», хотя и за рубежом, и у нас (в России. – *Н.Б.*) квалифицируются как преступление геноцида. Задача органов НКВД – МВД СССР, по мнению Л.П. Белковец, была прозрачной, так как «они следили за умонастроениями спецпоселенцев и выкорчевывали из их среды антисоветские настроения»⁴. Безусловно, подобная точка зрения имеет право на существование, служа основой для дискуссий между историками и правоведами, в том числе и по проблеме геноцида.

Необходимо учитывать и солидарное отношение этнических общностей непосредственно к личности «вождя всех народов». Например, заместитель председателя общества турок-месхетинцев в Азербайджане «Ватан» Чингиз Нейман-Заде в связи с 53-й годовщиной со дня смерти Сталина 5 марта 2006 г. заявил, что «депортированные из Грузии в 1940-х годах турки-месхетинцы не испытывают ненависти к Стали-

ну... Сталинский режим принес много бед не только туркам-месхетинцам, но и другим народам, однако, нельзя постоянно склонять имя Сталина⁵. И далее продолжил: «Его подпись, конечно, была определяющей, но во многом вина за все преступления, совершенные в тот период, лежит на его окружении, на тех, кто готовил ему документы на подпись, кто давал ему неверную информацию»⁶.

В этой связи было бы полезным разобраться и в вопросе о том, применительно к каким этническим общностям в 1950–1960-х гг. уже проводилась реабилитация, для кого на государственном уровне эта тема стала закрытой уже в 1960-х гг. На мой взгляд, это необходимо прежде всего для того, чтобы в последующем не нагромождать и в истории, и в практике различных, наспех выстроенных концепций, «моделей» необоснованных требований, содействуя тем самым дестабилизации в обществе. Именно такая ситуация сложилась в российском социуме в первой половине 1990-х гг. Обстановка была представлена таким образом, что якобы во второй половине 1950–1960-х гг. решением проблемы реабилитации «поруганных» народов никто не занимался, хотя происходившие тогда события и имеющиеся по этому периоду архивные документы свидетельствуют об обратном⁷. 8 июня 1957 г. состоялось совещание у заместителя Председателя Совета Министров РСФСР Д.И. Алехина. В его работе приняли участие ответственные работники министерств и ведомств. Были рассмотрены первостепенные вопросы, связанные со строительством объектов промышленного назначения на территории восстановленной Чечено-Ингушской АССР, принимались меры по ослаблению проблемы трудовой занятости возвращающегося населения.

Особое значение приобретает до сих пор неизвестная исследователям стенограмма Всероссийского совещания, проходившего 25 августа 1960 г. в Нальчике (Кабардино-Балкарская АССР). На нем рассматривался вопрос «завершения трудового и хозяйственного устройства возвращающегося на прежние места жительства населения и о мероприятиях по завершению этой работы». В работе совещания участвовали специалисты Госплана РСФСР, Российской республиканской конторы Госбанка СССР, Министерства сельского хозяйства РСФСР, Министерства коммунального хозяйства РСФСР, Министерства здравоохранения РСФСР, Министерства просвещения РСФСР и Роспотребсоюза⁸.

На совещании 1960 г. рассматривался как «год окончания возвращения населения автономных республик и областей». Материалы совещания содержат фактические данные по принимаемым тогда мерам, а также количественные характеристики затратных сумм со стороны государства на осуществление реабилитации по таким приоритетным направлениям, как территориальное, трудовое и хозяйственное устройство репрессированных по каждой из административных единиц (республик, краев, областей) Северокавказского региона, социальная политика и преобразования в сфере культуры. Отмечу, что в ходе реализации мер по реабилитации этнических общностей большее внимание уделялось такой стороне жизни, как этнокультурное возрождение балкарцев, ингушей, чеченцев, калмыков, карачаевцев. Однако и тогда речь о национальных меньшинствах не шла, хотя, как известно, с территории Северного Кавказа депортировались многие из них, в первую очередь советские немцы, крымские татары, греки, цыгане, представители этнических общностей Дагестанской АССР.

Идеология партии и правительства в этом вопросе сводилась к признанию пагубного характера ранее проводимой государственной национальной политики, выработке комплекса мер, связанных с возвращением этнических общностей на места исконного проживания на Северном Кавказе. На мой взгляд, не случайно, что особое внимание на совещании уделяли ситуации, сложившейся в Чечено-Ингушской АССР. Именно с территории этой республики было переселено принудительным образом более 500 тыс. советских граждан, порядка 100 тыс. семей чеченцев и ингушей, а заодно советских немцев, греков, балкарцев, представителей этнических общностей Дагестанской АССР, в частности, по уточненным данным М.М. Шахбановой, 14 901 чеченец-аккинец (3 142 семьи)⁹. «Прихватили» также частично и представителей этнических мень-

шинств Дагестанской АССР, проживавших в тот период на территории Чечено-Ингушской АССР (аварцы, лезгины, лаки и др.).

Во второй половине 1950-х гг. за 4 года планировалось возвратить спецпереселенцев, но этот график не был выдержан. Так, в Чечено-Ингушскую АССР в 1957 г. намечалось вернуть только 17 тыс. семей чеченцев и ингушей, однако прибыли одновременно 64 тыс. семей. В целом же в августе 1957 г. Чечено-Ингушская АССР приняла 83 тыс. семей (около 350 тыс. человек, в том числе 127 тыс. трудоспособных)¹⁰. Создавшаяся ситуация потребовала принятия экстренных практических мер по реабилитации¹¹. Бюро обкома партии и Совет Министров Чечено-Ингушской АССР разработали план по приему и обустройству населения, реализация которого, по мнению выступавшего на совещании заместителя председателя Совета Министров Чечено-Ингушской АССР С.-А. Атиева, «не всегда протекала успешно». Это объяснялось в первую очередь большим количеством возвращавшихся в тот период спецпереселенцев. Сказывалось и запоздалое освобождение заселенных районов республики представителями этнических общностей Дагестанской АССР, а также Северо-Осетинской АССР (более 20 тыс. семей), которые были переселены на территорию бывшей Чечено-Ингушской АССР еще в 1940-х гг.

Потребовались ощутимые усилия партийных организаций и органов власти по трудоустройству населения. Параллельно решалась проблема жилья, которая проводилась по 3 направлениям: приобретение, строительство жилья «либо за счет государственных ссуд, либо за счет своих сбережений». Именно так решили вопрос применительно к 32 тыс. семей¹². Кроме того, индивидуальное строительство шло благодаря государственному кредитам (180 млн руб.) и предоставленным торгующим организациям строительным материалам. Также налаживалось производство местных стройматериалов (саман – 36,5 млн шт., лес, камень, черепица, кирпич, камыш плетневой). Среди важных организационных мероприятий было и введение новых штатных единиц – заместителя управляющего отделением совхоза по хозяйственному устройству населения, техника-строителя¹³. В целом, руководство местных органов власти, а также партийных организаций осуществляло контроль за выполнением в различных сферах хозяйствования конкретных мер, направленных на улучшение материального положения репрессированных граждан.

Решение организационных вопросов, несомненно, дало положительные результаты. К середине 1960 г. в Чечено-Ингушской АССР построили 31 тыс. домов, а 13 тыс. индивидуальных домов находились в стадии строительства. Этот показатель мог быть более высоким, если бы не наличие неудовлетворительного освоения выделенных на жилищное строительство кредитов. Так, из предоставленных по плану 50 млн руб. на эти цели к августу 1960 г. было освоено только 11,5 млн руб. (23%)¹⁴. Кроме того, при предоставлении квартир за счет общественно-жилищного фонда было обеспечено жильем около 11 тыс. семей. В целом совещание признало решение жилищной проблемы как «удовлетворительное»¹⁵. Однако назывались и негативные моменты в ходе ее осуществления: факты злоупотреблений и нецелевого использования государственных средств (на 1960 г. этот показатель составлял в республике 16 млн руб.), расхищение стройматериалов, недостаток кровельного материала, затяжное решение вопроса о предоставлении земельных участков под индивидуальное строительство. Все это, как заметил выступавший на совещании в Нальчике в августе 1960 г. заместитель председателя Совета Министров Чечено-Ингушской АССР Атиев, «не могло не ослаблять усилия в этом направлении»¹⁶.

При дальнейшей реализации мер по реабилитации граждан в республике в первую очередь необходимо было предусмотреть увеличение фондов на строительные материалы для индивидуальной застройки, расширить возможные поставки стройматериалов по линии потребительской кооперации. Именно по этим направлениям положение оставалось длительное время критическим. Только за первое полугодие 1960 г. недопоставки леса в Чечено-Ингушскую республику составляли 27 тыс. кубм, шифера – 1,5 млн условных плиток. Многие партии поставленного Бакинским асбесто-шиферным

**Состояние сельскохозяйственного производства в Чечено-Ингушской АССР
в 1956 и в 1960 г. ***

Показатели	Единица измерения	Количество		Изменение (в %)
		1956 г.	1960 г.	
Вся посевная площадь на 31 тыс. га	тыс. га	417** – 20	428	+ 9
В том числе под кукурузой	– » –	88**	107	+ 21
Площадь под садами	– » –	9	15.1	+ 68
Площадь под виноградниками	– » –	3	11	+ 266
Площадь под сахарной свеклой	– » –	–	2.2	+ 100
Площадь под табаком	га	–	120	+ 100
Поголовье скота				
а) крупного рогатого на 70 тыс.	тыс. голов	174.6 – 24	209.9	+ 40
б) мелкого рогатого на 166 тыс.	– » –	667.5 – 205	628.1	– 42
Свиней на 27 тыс.	– » –	83.6	105.4	+ 34

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-518, оп. 1, д. 151, л. 7.

** Сравнивается с 1957 г.

комбинатом шифера оказались бракованными. Работу по устранению недостатков, введение определенных корректив необходимо было согласовывать с Госпланом РСФСР.

И по линии трудоустройства бывших спецпереселенцев имелись трудности, связанные прежде всего с реализацией положений принятого Советом Министров РСФСР в октябре 1957 г. специального постановления «О мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому строительству в Чечено-Ингушской АССР в 1958–1960-е годы в связи с переселением чеченцев и ингушей из Казахстана и Киргизской ССР». Согласно постановлению, в республике с целью занятости населения предусматривалось строительство крупных производственных мощностей. В 1961 г. планировалось построить заводы: инструментальный по производству запасных частей к автомобилям, электрифицированных инструментов, алебастровый по производству оборудования для пищевой промышленности, сахарного, а также более 20 других промышленных предприятий¹⁷. Однако «за исключением нескольких мелких предприятий, строительство ни одного из намеченных крупных предприятий, не было завершено»¹⁸, – заметил заместитель председателя Совета Министров республики Атиев. Причинами этого стали малая мощность строительных организаций в республике, слабое финансирование материально-технического снабжения, недостаточное кредитование строительства названных промышленных объектов и возвращавшихся спецпереселенцев, а также несогласованность действий партийных и советских органов власти.

Аналогичной была ситуация и в аграрном секторе республики. Правда, здесь удалось добиться положительных сдвигов по расширению посевных площадей, о чем наглядно свидетельствуют данные таблицы.

По данным таблицы, заметно сократилось поголовье овец, что объяснялось невозможностью развития овцеводства в воссозданных чеченских и ингушских колхозах. Объяснялось это отсутствием зимних пастбищ, а также тем, что 205 тыс. овец были перевезены хозяйствами Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР, колхозы которых, переселенные в 1940 г. на земли ранее существовавшей Чечено-Ингушской АССР, возвращались в свои республики. Все это затрудняло социальную реабилитацию чеченцев и ингушей, решение проблем их трудовой занятости на селе и улучшения материального положения. Для изменения ситуации органы государственной власти республики предложили выделить пастбища в районе «Черных земель», где такие участки были уже предоставлены Дагестанской АССР и Астраханской обл.¹⁹ Что касается решения проблемы на перспективу, то уже планом развития народного хозяйства Чечено-

Ингушской АССР на 1961 г. предусматривалось посеять сахарной свеклы на площади 12 тыс. га, табака – 300 га, «разбить» виноградники на 16 тыс. га, плодово-ягодные насаждения на 18 тыс. га²⁰. Предполагалось также расширить площади под высокодоходные и трудоемкие культуры и отрасли, повысить производство кукурузы, сахарной свеклы, табака и т.д., а также улучшить животноводческую базу.

В результате проводимых реабилитационных мер в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1960 гг. уже функционировали 28 совхозов и 53 колхоза (в другой части документов приводится цифра 44 колхоза²¹), в которых главным образом были заняты чеченцы и ингуши. В целом в народном хозяйстве республики к августу 1960 г. удалось трудоустроить, отмечал Атиев, около 100 тыс. чеченцев и ингушей, в том числе в сельском хозяйстве – более 71 тыс., в отраслях промышленности – 11 тыс. человек. В числе нетрудоспособных в это время оставалось 20–25 тыс. чеченцев и ингушей²².

Конечно, сказывалась экономическая слабость колхозных хозяйств. Так, из планировавшихся на 1959 г. денежных доходов в сумме 41 млн руб. фактически были получены только 19 млн, из которых на долю каждого колхоза в среднем приходилось по 413 тыс. руб., на каждого трудоспособного колхозника – по 794 руб. Этим и объясняются малый доход колхозных семей и низкая стоимость трудодня колхозников. В 1959 г. последним на трудодни было выдано по 1.2 кг зерна, денежных средств – по 1 руб. 6 коп.²³ Несмотря на имевшиеся трудности, уже в 1960 г. был выполнен план сдачи и продажи государству колосовых зерновых, сверх плана сдали 1 млн пудов зерна²⁴. В сфере социальной реабилитации следует обратить внимание на тот факт, что средства в сумме более 2 млрд руб. были предоставлены в качестве ссуды граждан, которые, к сожалению, выбыли за пределы республики.

Важным направлением осуществления мер по реабилитации этнических общностей в сфере культуры стало восстановление просвещения, здравоохранения, культурно-воспитательной и просветительской работы среди граждан. С 1957 г. по 1961 г. были открыты 26 начальных, семилетних и средних школ на 800 мест, 3 музыкальные школы, 3 интерната для девушек-горянок. В республике работали 9 созданных фельдшерских пунктов, 6 районных и 3 городские больницы и поликлиника, 28 библиотек, 7 летних киноплощадок. Тем не менее ощущалась острая нехватка учреждений здравоохранения, о чем неоднократно информировались органы власти РСФСР. В регионе свирепствовал туберкулез. По отношению к среднему показателю этого заболевания в РСФСР для населения в Чечено-Ингушской АССР показатель составлял 1:6. В ведение органов власти передавался Ачикулакский специализированный туберкулезный санаторий на 350 мест²⁵. Однако такая мера была временной, требовалось кардинальное решение проблемы. В это же время был создан Чечено-Ингушский национальный драматический театр, ансамбль песни и пляски. В селении Назрань начал работу Ингушский национальный театр. В г. Грозном была открыта телестудия²⁶.

С проблемой реабилитации возвратившихся в Чечено-Ингушскую АССР граждан тесно смыкается и решение вопроса применительно к чеченцам-аккинцам в Дагестанской АССР, от чего во многом зависела стабильность обстановки в северных районах этой республики. В Дагестанскую АССР возвратились 14 700 семей (55 763 человека), которых расселили на ее территории в 1940-х – начале 1950-х гг. Наряду с этим возвратились также 5 060 семей чеченцев-аккинцев (22 069 человек)²⁷.

Таким образом, миграционный приток был связан с возвращающимися депортированными ранее в Северокавказский регион гражданами и приобрел постепенно 2 выраженных направления: внутреннее и внешнее, охватив около 20 тыс. семей (77 832 человека). Все это не могло не создавать для хозяйственных органов республики дополнительные трудности в решении проблем по обустройству переселенцев. В Казахской ССР, республиках Средней Азии оставались, по приблизительным данным, 300 хозяйств²⁸, в которых проживали по разным причинам депортированные из Дагестанской АССР чеченцы.

На каждую чеченскую семью, прибывшую в Дагестанскую ССР, была предоставлена ссуда в размере 10 тыс. руб. Совет Министров РСФСР выделил этой республике около 2 млн руб. на оказание единовременной безвозмездной помощи остро нуждавшимся чеченским семьям – переселенцам из Средней Азии²⁹. Прибывшие граждане не оставались без внимания со стороны государства и в дальнейшем (им предоставлялись стройматериалы). Только в 1960 г. в Дагестанскую АССР из Средней Азии прибыли 1 660 чеченских семей (9 тыс. человек), которых расселили в Хасавюртовском районе. Решение по вновь прибывшим переселенцам было принято на государственном уровне с определением мер по улучшению их материального положения.

На основе специально принятого Советом Министров РСФСР постановления от 4 июля 1960 г. № 812 «О мерах помощи и трудовом устройстве населения чеченской национальности, проживающем в Хасавюртовском районе», были дополнительно предоставлены 2 850 тыс. руб. на строительство жилых домов (в 1961 г. – 7 тыс. домов, а также артезианских колодцев), туберкулезной больницы в Хасавюрте; 400 тыс. руб. – на строительство магазинов в городе и его окрестностях, предусматривалось также строительство в 1960–1961 гг. в Хасавюрте швейной фабрики, мясокомбината производительностью в 10 т мяса в год (1962 г.); 500 тыс. руб. – на оказание помощи особо нуждавшимся семьям переселенцев – чеченцев-аккинцев и т.д. Планировалось также создание 2 плодоовощных совхозов (10 млн руб.), расширение корпусов кирпично-черепичного завода (1.5 млн руб.).

Не остались без внимания жилищная проблема и сфера культуры. Отдельные колхозы брали эту инициативу на себя. Так, переселенческий колхоз «Заветы Ильича» (селение Сибух Хасавюртовского района) в течение 2 лет построил 120 типовых домов, 185 временных, передав их в пользование 320 семьям, при этом в стадии завершения строительства находились еще 89 типовых домов. В селении Сулевкент того же района в колхозном хозяйстве «40 лет Октября» переселенцам (213 семей) передали 115 домов (98 домов в 1960 г. находились в стадии завершения строительства). Хозяйства обзаводились и постройками бытового назначения. В Хасавюртовском районе в 1959 г. (по заявлению Азиева) была завершена программа предоставления жилья для престарелых и инвалидов труда и войны чеченцев-аккинцев³⁰. Причины затяжного возведения жилья сводились в основном к дефициту стройматериалов, отсутствию должного технического контроля.

При рассмотрении проблемы на районном уровне власти интересен доклад о реабилитации граждан заместителя председателя Хасавюртовского исполкома районного совета депутатов трудящихся Рамазанова. Райисполком принял на подведомственной ему территории 8904 переселенческих семьи (29 842 человека). Были созданы 17 населенных пунктов, 14 переселенческих колхозов и один совхоз³¹. Все трудоспособное население обеспечили работой, главным образом в сельскохозяйственной отрасли. Несмотря на огромные трудности в решении жилищной проблемы, за 3 года в районе построили 3 729 домов, 4 четырехквартирных дома для инвалидов, возведенных за счет государственных средств, 1 987 временок, строились 2 763 стандартных дома, началось осуществление программы по строительству дорог, электрификации, телефонизации, обеспечению водой поселков, сооружению в них артезианских колодцев. Кроме того, были построены 12 школ на 1 220 мест, 19 учебных мастерских на 440 мест. Началась работа библиотек и 7 медицинских учреждений (на их строительство израсходовали 50 млн руб.). Государственные органы власти оказали переселенцам района и города единовременную безвозмездную помощь в сумме 1.5 млн руб.³² И здесь решение организационных и практических вопросов протекало в условиях нехватки строительных материалов, слабой согласованности действий и принимаемых мер центральными (республиканскими) и местными органами власти.

Заведующий Отделом переселения и организационного набора рабочих Совета Министров Калмыцкой АССР Харцхаев, в ведение которого передавалась работа с возвращающимися спецпереселенцами, полагал, что основой для реализации мер реабилитации в первую очередь следует рассматривать восстановление государственности

народов, в том числе Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края. Именно этот факт, по мнению Харцхаева, «имел приоритетное значение в восстановлении справедливости в отношении калмыцкого народа, нарушенной в период культа личности»³³. Эта мера явилась отправной точкой для повышения этнической мобильности калмыков, подъема их творчества в реализации мер по укреплению государственности. Подобные действия следует рассматривать и в качестве акта огромного значения, так как он содействовал повышению политической и творческой активности граждан.

Заметную роль сыграла и помощь, оказываемая центром, в частности для улучшения материального положения, культурно-бытовых условий возвращавшихся калмыцких семей. На территорию автономной области возвратились 18 183 семьи (73 254 человека), которые переселялись за счет государства (расходы – 6 600 тыс. руб.). По прибытию инвалидам, престарелым, многодетным, больным была оказана единовременная государственная помощь в сумме 4 191 тыс. руб. В местах депортации, по приблизительным данным на 1960 г., оставалось более 700 калмыцких семей, приезд которых в Калмыцкую автономную область планировался с учетом их собственного желания³⁴.

В плане улучшения материальной базы автономной области в ее распоряжение центр передал 1 220 автомашин всех марок и назначений, 1 167 тракторов, 150 комбайнов и др. В хозяйствах Калмыкии в 1960 г. работали 7 538 тракторов, 1 174 комбайна, 2 977 автомашин, большое количество другой техники, было собрано и сдано государству 10 млн пудов зерна³⁵, возросла сеть республиканских, городских, районных и сельскохозяйственных снабженческих торговых учреждений. Здесь осуществлялись разработки нефти, газа, были открыты Олейниковское (с 1960 г.), Ики-Бурульское, Иван-Карульское месторождения газа и нефти. В Калмыкии был создан геологоразведочный трест Главгеология, которому вменялось заниматься добычей газа и нефти, начала развиваться рыбная отрасль промышленности. Заметные изменения произошли и в колхозно-совхозном строительстве: созданы 5 новых совхозов, 7 промартелей. По мнению Харцхаева, это позволило трудоустроить в аграрном секторе республики 13 тыс. семей и 5 тыс. – в строительстве и учреждениях Калмыкии³⁶. Для решения водной проблемы была создана система артезианских скважин, шахтных колодцев и прудов. Строили Оля-Каспийский канал и создавали Волго-Сарпинскую оросительную систему. В 1959–1965 гг. на эти цели из госбюджета выделили 788 млн руб. Для колхозных и совхозных хозяйств важной отраслью по-прежнему оставалось животноводство (как и до переселения в первой половине 1940-х гг.). В частности, на средства долгосрочных государственных кредитов для Калмыкии было приобретено 10 644 головы крупного рогатого скота и 7 078 овец на сумму в 18,5 млн руб. Создание мощной сельскохозяйственной базы в республике позволило выполнить государственный план по производству мяса, молока, яиц и шерсти.

Что касается решения в республике проблемы жилищного строительства, то в 1957–1960-х гг. за счет средств по государственным капитальным вложениям ввели в эксплуатацию 772 тыс. кв. м жилой площади, благодаря долговременным ссудам на льготных условиях построили 6 507 индивидуальных домов, строились 1 511 домов индивидуальных застройщиков, были куплены – 1 338. Жилье передавалось в пользование возвращавшимся из мест переселения калмыкам. Общими усилиями центра и Калмыцкой АССР решалась проблема этнокультурного возрождения калмыцкой общности. Решение этой задачи – главной в сфере идеологии – было призвано сформировать новое национальное сознание. В связи с этим только Министерство сельского хозяйства РСФСР на культурно-бытовые нужды, жилищное строительство выделило 70 млн руб. В 1957–1960 гг. были использованы долгосрочные кредиты в сумме 79 914 тыс. руб.³⁷ Для развития народного хозяйства республики требовалась и налаженная автотранспортная структура. На основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 ноября 1958 г. намечалось строительство автомагистрали общегосударственного назначения Сталинград–Элиста–Прикумск–Минеральные Воды, объединившей мно-

гие районы Калмыкии. В 1959–1960-х гг. велось строительство и автомобильной трассы Дивное—Элиста (100 км).

Реабилитационный период потребовал огромных вливаний средств в решение проблем просвещения, здравоохранения, культурно-просветительской работы в республике. Уже в 1958–1960-х гг. здесь построили 10 школ на 1 740 мест. В целом же в Калмыцкой АССР на 1960 г. работали 160 начальных, 43 семилетних и 33 средних школы, в которых обучались 25 538 учащихся (9 238 – из калмыцких семей). В школах работали 1 666 учителей, из них калмыков – 933 человека³⁸. Было открыто педагогическое училище, в котором обучались 397 человек, из них 291 – калмыки. В течение 3 лет последним предоставлялись льготные места для обучения в различных вузах СССР (более 1 тыс. студентов). На территории республики работали 3 школы-интерната, 3 средних школы с производственным обучением, Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, Институт усовершенствования учителей, Научно-исследовательская лесная опытная станция, Опытная сельскохозяйственная станция (всего 42 научных работника, из них 32 – калмыки). В аспирантуре обучались на 1960 г. 11 аспирантов-калмыков³⁹.

В целях совершенствования культурно-просветительской работы в Калмыкии работали 110 библиотек, 90 клубов, 15 домов культуры, 140 киноустановок, 2 кинотеатра, Калмыцкий государственный драматический театр, Государственный ансамбль песни и танца, 2 музыкальные школы. В театральной студии, созданной при Ленинградском театральном институте им. Островского (обучались 20 калмыков), действовал Народный любительский театр (Яшалтинский район, состав труппы – 18 человек). В республике к этому времени издавались 2 республиканские и 10 районных газет на русском и калмыцком языках. Только в 1959–1960 гг. были изданы 50 книг на калмыцком языке тиражом более 100 тыс. экземпляров⁴⁰.

Относительно системы здравоохранения в республике – одного из направлений социальной реабилитации граждан – заметим, что в 1957 г. на охрану здоровья населения из бюджета было выделено 16 млн руб., а в 1960 г. – уже 34.2 млн руб. В республике работали 456 больниц на 1 390 мест, 3 колхозных родильных дома, 6 сельских амбулаторий, 7 фельдшерских здравпунктов, 12 санэпидстанций, 47 детских яслей, Дом санитарного просвещения, станция переливания крови, станция скорой помощи⁴¹. При этом многие из медицинских работников были калмыками. Важным политическим событием явилось награждение Калмыцкой АССР в 1959 г. высшей в СССР наградой за трудовые успехи – Орденом В.И. Ленина, а многих калмыков – медалями и орденами Советского Союза.

Составной частью реабилитации калмыков стало возвращение в Астраханскую обл. к прежним местам проживания 4 009 калмыцких семей (14 392 человека), в том числе трудоспособных – 6 804 человека. Вернувшиеся бывшие спецпереселенцы проживали в основном в 6 районах области. Заведующий отделом Астраханского облисполкома Г. Невзоров, выступая 25 августа 1960 г. на совещании в Нальчике, заявил, что все трудоспособные калмыки устроены. Калмыки жили в собственных построенных и купленных домах (1 950 семей), 871 семья была расселена в домах колхозов, совхозов, предприятий, 118 семей временно проживали на условиях подселения. В 1957–1960-х гг. бывшим спецпереселенцам было предоставлено в форме кредита на строительство домов и покупку скота 5 576.1 тыс. руб. Однако отметим, что все-таки повсеместно ощущалась нехватка строительных материалов.

Иной была ситуация в Сталинградской обл., куда также возвратились на прежнее место жительства 910 калмыцких семей. Заведующий отделом переселения и организованного набора Сталинградского облисполкома Жаворонков сообщал: «К моменту прибытия калмыцкого населения в совхозах и колхозах имелось в достаточном количестве свободных жилых домов и квартир... поэтому при размещении семей калмыков по совхозам и колхозам острого недостатка в жилой площади не было и никаких трудностей в обеспечении жильем возвратившихся семей не возникало»⁴².

В связи с образованием Калмыцкой АССР 310 семей калмыков изъявили желание выехать в республику на постоянное место жительства. К августу 1960 г. в Сталинградской обл. оставалось 600 семей калмыков (2 637 человек). Многие из трудоспособных калмыков работали чабанами, доярками, пастухами. 439 семей проживали в совхозах и 161 семья – в колхозах. 48 семей имели собственные жилые дома и квартиры, 121 семья проживала в колхозных домах⁴³. Дети из калмыцких семей обучались в школе. Многие семьи к августу 1960 г. уже имели в личном пользовании мотоциклы, радиоприемники и проч.

В 1957–1958 гг. возвращались бывшие спецпереселенцы и в Карачаевскую автономную область (вскоре Карачаево-Черкесская АО). К 1960 г. прибывшие сюда 21 тыс. семей (73 тыс. граждан) главным образом карачаевской национальности расселились в 6 районах области. Из 31 тыс. трудоспособных к лету 1960 г. были трудоустроены более 20 тыс. человек, в том числе 7 тыс. женщин⁴⁴. Облисполком посчитал в качестве неотложной задачи организацию профессионально-технического обучения молодежи. В области ощущалась потребность в горняках, металлургах, работниках сахарной промышленности. Основная масса возвратившихся карачаевцев проживала в купленных домах, а также построенных (свыше 13 тыс.) или коммунальных и ведомственных. В решении этой задачи материально помогало государство. Следует отметить, что среди спецпереселенцев численность оставшихся карачаевцев в местах депортации составляла на август 1960 г. около 10 тыс. человек.

По сведениям заместителя председателя облисполкома А.Д. Баучиева, за истекший период в области были открыты 205 школ, в которых обучались 47 тыс. учащихся, из них 15 тыс. – из карачаевских семей. Вновь построенные 24 школы (из них 16 начальных) были рассчитаны на 2 400 ученических мест. Открылись и 7 школ-интернатов на 1 710 мест, начал свою работу педагогический институт с заочным отделением; к 1960 г. состоялся первый выпуск 26 учителей⁴⁵, которые направлялись для работы в национальные школы. В отчете Баучиева также читаем: «На капитальное строительство по народному образованию мы получаем средств достаточно. По линии здравоохранения в 1960 г. выделено 2 млн руб. Строится областная больница и районная больница в Малокарачаевском районе. Одна районная больница уже в 1960 г. была введена в эксплуатацию. На 1961 г. Госпланом было предусмотрено выделение средств в сумме 4 млн руб. для строительства объектов здравоохранения. В районах вводились в строй также Дома культуры»⁴⁶.

Большое значение в восстановленной Кабардино-Балкарской АССР придавалось автономии балкарской этнической общности. 9 335 семей балкарцев возвратились в свои селения. В связи с этим в республике были созданы 12 колхозов и 3 совхоза, за которыми закрепили землю, а также выделили им скот, сельхозтехнику. Особую помощь в процессе восстановления оказали кабардинские и русские совхозы, колхозы, промышленные предприятия республики.

В середине 1990-х гг. отдельные ученые, журналисты пытались более осмысленно подойти к оценкам событий, касавшихся реабилитации народов отдельных граждан, принадлежавших к разным национальностям и подвергшихся репрессиям. Их выступления, публикации отличало стремление дать объективную оценку этому периоду, показать роль и место реабилитации народов России, сказать правду о месте других этнических общностей в этих процессах. На заседании Хурала Республики Калмыкия, состоявшемся по случаю 50-летия восстановления автономии калмыцкого народа (2007 г.), была выражена благодарность сибирякам, подержавшим его в трудные годы, а также жителям Ставропольского края, Волгоградской, Ростовской и Астраханской обл. «за помощь в деле возрождения степной республики в период возвращения калмыков из сибирской ссылки»⁴⁷.

Публицист Жагафар Токумаев (Кабардино-Балкарская Республика), рассматривая проблемы реабилитации балкарского народа, замечал: «Я хорошо помню 1957–1958 годы, когда балкарцы возвращались в свои родные места. Наши аулы были разрушены. Люди (балкарцы. – Н.Б.), приехавшие к своим очагам, фактически остались под

открытым небом. Тогда им на помощь первыми пришли кабардинцы. Их почин поддерживали русские братья. Со всех колхозов, совхозов республики к балкарским селам потянулись караваны машин с зерном, скотом и строительными материалами. Вновь созданным балкарским хозяйствам выделили пахотные земли в степных участках, которыми они пользуются и до сегодняшнего дня»⁴⁸. В результате за короткое время такие хозяйства, как колхозы им. Мусукаева, им. Байсултанова Эльбрусского района, «Советская Балкария» Советского района и другие стали передовыми хозяйствами.

За 2 года в республике была решена жилищная проблема. 5 717 семей проживали в собственных, построенных вновь и купленных домах, 1 059 семей – в городах и рабочих поселках. Во временных постройках на август 1960 г. оставались 1 069 семей, на условиях подселения – 1 190. Особая забота проявилась в отношении строительства домов для инвалидов Великой Отечественной войны и труда, семей погибших воинов (выделили 3 млн руб.). Были построены 200 многоквартирных и 8 четырехквартирных домов⁴⁹. Сложнее обстояло дело с возведением объектов быта и культурно-просветительской сферы. Не было завершено строительство районного Дома культуры в селе Заюково и больницы в селении Гунделен Эльбрусского района, а также больницы в селении Советское Советского района, в селении Чегем. Со стороны государства для решения жилищной проблемы республике в 1957 г. был предоставлен кредит в 19.5 млн руб., 1958 г. – 19, 1959 г. – 10, 1960 г. – 9.4 млн руб. Как и в других республиках и краях, средства, отпущенные на строительство жилья, слабо осваивались⁵⁰. Имелись случаи, когда средства, отпущенные на индивидуальное жилье, «использовались на нужды колхозов, т.е. не по целевому назначению».

В Северо-Осетинскую АССР во второй половине 1950-х гг. возвратились 5 776 ингушей. По заявлению заместителя председателя Совета Министров республики Гоноблева в августе 1960 г., сразу же были трудоустроены 1 138 семей с трудоспособным населением (1 995 человек). Ингуши были заняты на предприятиях и в учреждениях – 442 семьи (1 098 человек), в совхозах – 156 семей (289 человек), остались без работы 338 человек⁵¹. В этот же период в Северо-Осетинскую АССР возвращались и осетины – 3 392 семьи (около 20 тыс. человек), переселившиеся в середине 1940-х гг. и позднее на освобожденные территории Чечено-Ингушской АССР⁵². Правда, уже тогда возникла проблема прописки ингушей в Пригородном районе, который, по мнению осетинского руководства, был перенаселенным. Имели место трудности и с решением вопросов в культурно-просветительской сфере, связанные с недостатками в воспитании ингушской молодежи, созданием системы школ-интернатов, устранением пережитков, запрещением учебы для женщин.

Позиция центра в решении рассматриваемой проблемы была представлена на уже упомянутом совещании в Нальчике в августе 1960 г. в выступлениях представителей Госплана РСФСР и Госснаба РСФСР, анализировавших состояние строительства объектов республиканского масштаба, однако предназначавшихся для обслуживания граждан Северо-Осетинской АССР и в первую очередь возвращавшихся из спецпоселений. Успех дела был возможен только при объединении усилий переселенческих организаций и местных органов государственной власти. В числе главных вопросов центр по-прежнему рассматривал трудоустройство населения и строительство промышленных предприятий. Признавались также ошибки, недочеты деятельности Роспотребсоюза, ответственного за поставки строительных материалов в республики Северного Кавказа, слабое использование в них местного сырья и привлечение специалистов – представителей этнических общностей региона⁵³.

Совещание показало, что решение многих вопросов зависит от позиции самих федеральных структур. Министерство сельского хозяйства РСФСР (Д. Жуков), давая высокую оценку регионам проживания ранее репрессированных, призывал увеличить производство сельхозпродукции, активизировать культурно-бытовое строительство. Тогда возникла необходимость улучшения работы Росглавколхозторга, особенно по снабжению стройматериалами, увеличению объема их на базе местной индустрии. Росглавколхозторг обязан был снабдить строителей домов бывших спецпереселенцев

мягкой кровлей, производившейся заводами Украинской ССР. Продукция не отличалась высоким качеством, было мало поставок. Эта проблема переходила в компетенцию правительства СССР. Вопрос прорабатывался и применительно к Азербайджанской ССР, занимавшейся в то время поставками в районы Северного Кавказа шифера и других строительных материалов⁵⁴. На темпах строительства жилья и других объектов сельскохозяйственного назначения сказывалось отсутствие контакта между торговыми организациями и структурами, ведавшими вопросами возвращения спецпереселенцев. В этой связи привлекают внимание сведения об организации перевозок стройматериалов железнодорожным транспортом: не хватало свободных вагонов для доставки шифера, цемента и лесоматериалов.

Обобщающие данные, озвученные заместителем начальника отдела российской республиканской конторы Госбанка СССР Соломиным на упоминавшемся совещании представителей правительств республик и областей, свидетельствуют, что в 1957–1960 гг. для спецпереселенцев было выделено кредитов на сумму 600 млн руб. (из всех имевшихся в государстве 2 млрд ссудных средств)⁵⁵. К погашению же предоставляемых ссуд руководители, особенно председатели колхозов, подходили безответственно, задолженности имели даже рентабельные хозяйства.

Несколько лучше обстояло дело в сфере возрождения культуры бывших спецпереселенцев. Представитель Министерства просвещения РСФСР Чехоева во время своего выступления на совещании организацию системы образования назвала одной из самых актуальных проблем региона. Обращалось внимание на создание системы профессиональных училищ, разработку программы замены школ-временок на капитальные школьные здания (Дагестанская АССР, Калмыцкая АССР), подготовку кадров учителей. Преподавателями работали специалисты без образования. В 1959 г. в Чечено-Ингушской АССР они составляли 20%, в 1960 г. – 30%⁵⁶. Слабо решалась проблема обучения девушек, хотя опыт создания женских учебных заведений уже был накоплен в Дагестанской АССР, предлагалось перевести обучение девушек на гособеспечение (только в Чечено-Ингушской АССР таким образом, в том числе в школах-интернатах, обучались 638 девушек)⁵⁷. Слабой была организация обучения детей с физическими недостатками (в Калмыцкой АССР и других республиках), отсутствовали санаторно-лесные школы. Недостаточной была работа по подготовке и изданию учебников на родных языках.

В районах расселения бывших спецпереселенцев имелись недочеты в создании сети здравоохранения, хотя в республиках и принимались соответствующие меры. Сказывалось ослабление здоровья граждан, прибывших из районов спецпоселений, наблюдался высокий уровень заболеваемости, особенно у детей. Так, в Калмыцкой АССР в 1959 г. детская смертность в 1,5 раза превышала средний уровень смертности по РСФСР. Особо опасным заболеванием стал брюшной тиф. В Калмыцкой АССР численность заболевших им составляла 2% больных, Дагестанской АССР – 5,3, Чечено-Ингушской АССР – 6,9%⁵⁸. Все это требовало специальной программы по улучшению санитарного состояния, снабжения водой и т.д. В этой ситуации важное значение приобретала проблема подготовки медицинских кадров в масштабе всего Северокавказского региона. В некоторой степени удалось довести в целом коечную сеть в больницах до 19 тыс. коек, а в первом полугодии 1960 г. она возросла еще на 1 120⁵⁹.

Однако все эти усилия не носили постоянного характера. Прежде всего это относилось к строительству новых медицинских учреждений, использованию выделенных денежных средств. Так, по Дагестанской АССР в конце 1956 г. предусматривалось строительство 18 объектов стоимостью 65 млн руб., однако за 3 года начали возводить только 7 из них, а освоили средств на сумму 9,5 млн руб.⁶⁰ В Чечено-Ингушской АССР в 1957–1959 гг. в сфере строительства медицинских учреждений остались не освоенными 4 млн руб. Заметно лучшим образом складывалась ситуация в Калмыцкой и Кабардино-Балкарской АССР, а также в Астраханской обл.

Министерство здравоохранения РСФСР вело большую работу по реализации приоритетных направлений, связанных со здоровьем ранее репрессированных граждан. В 1960 г. внесли дополнительные капиталовложения в эту сферу по Кабардино-Балкар-

ской АССР – 7 900 тыс. руб., Дагестанской АССР – 4 млн, Северо-Осетинской АССР – 6.9 млн руб. Однако освоение этих вложений составляло от 5 до 25%⁶¹. Была интересна и предлагавшаяся программа улучшения положения в здравоохранении. Намечались распространение тувальского опыта участия граждан в благоустройстве поселков, активизация освоения выделяемых средств на строительство медицинских объектов, совершенствование работы фельдшерско-акушерских пунктов, развитие строительства участковых больниц, поддержка инициативы колхозов, осуществлявших строительство лечебных и детских учреждений⁶² с учетом опыта Ставропольского края. В республиках и областях рекомендовалось в связи с этим наладить санитарно-эпидемиологическую службу.

Анализ мероприятий, проведенных органами власти по реабилитации этнических общностей Северного Кавказа, ранее подвергшихся репрессиям, показывает, что во второй половине 1950–1960-х гг. был выполнен огромный комплекс мер по их экономическому возрождению, стоивших немалых затрат, в частности по созданию экономического потенциала в республиках и областях. Много средств направлялось на этнокультурное возрождение народов, гармонизацию межнациональных отношений, улучшение материального положения этнических общностей, решение жилищного вопроса. Искусственно созданные проблемы, связанные с принудительным переселением этнических общностей в 1930–1940 гг., повлекшие огромные государственные затраты как в период выселения, так и возвращения спецпереселенцев, – это еще одно из свидетельств безрассудной государственной национальной политики по отношению к своим гражданам. Такая деструктивная политика имела печальные последствия. Тем не менее в полной мере реабилитацию по отношению к рассматриваемым этническим общностям во второй половине 1950–1960-х гг. в стране провели.

Второй этап реабилитации пришелся на 1990-е гг. Он свидетельствовал о том, что на практике пренебрежительно отнеслись к обязательному учету прогностического принципа; обнаружилось отсутствие обстоятельного анализа мер, предпринимавшихся в 1950–1960-х гг. к реабилитации репрессированных граждан. Однако политика в отношении этнических общностей, не затронутых реабилитацией в тот период, так и осталась незавершенной. Ажиотаж вокруг проблемы реабилитации поддерживался в 1990-х гг. всплесками напряженности в межнациональных отношениях, ферганскими событиями конца 1980-х гг., когда России пришлось принимать бежавших из Узбекистана более 90 тыс. турок-месхетинцев, курдов, хемшилов. Негативно сказалось на этом процессе и переселение в места бывшего проживания крымских татар, представителей других репрессированных национальных меньшинств, как затем и беженцев – следствие войны в Таджикистане, развала СССР. Не способствовал возобновлению реабилитационных мероприятий, а затем и обострил обстановку в регионе конфликт между осетинами и ингушской частью населения на территории Республики Северная Осетия-Алания. Возникли противоречия социальной направленности в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках, а затем начался «чеченский кризис» 1990-х гг.

Несомненно, в рамках одной научной статьи невозможно решить столь сложную проблему исторической науки. Это требует усилий многих ученых. Однако изучение новых архивных документов позволяет определиться в новых подходах и выводах применительно к изучаемой теме. Дальнейшее исследование проблемы будет способствовать воссозданию правдивой истории депортации и реабилитации в Союзе ССР, России, что и явится прочной основой для стабилизации обстановки на Северном Кавказе, достижения мира и гражданского согласия.

Примечания

¹ Реабилитация: политические репрессии 30–50-х годов. М., 1991; *Викторин В. М.* Калмыцкий этнический ареал в Нижнем Поволжье и проблемы реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994; *Бугай Н. Ф.* Турки-месхетинцы – долгий путь к реабилитации. 1944–1994. М., 1994; *Коцюнис А. Н.*

Документы «ушли» вверх... (О перспективах реабилитации российских греков) // Народ. № 2–6. М., 1994; *Жамсуйев Б.Б.* О реабилитации репрессированных народов // Думский вестник. № 3(18). М., 1995; *Бугай Н.* Процесс реабилитации должен быть продолженным // Погром (Геттинген). 1996. № 190; *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа. 20–90-е годы. Ростов н/Д, 1998; *Бугай Н.Ф.* Реабилитация народов – одно из направлений национальной политики по укреплению федеративных отношений // Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М., 1998; 10 лет Закону РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития. Ростов н/Д, 2001; *он же.* Национально-культурная реабилитация народов: опыт, уроки // Этнодиалоги. Москва–Кавказ: диалог культур; *он же.* Реабилитация репрессированных граждан России // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997; *Коцонис А.Н.* Проблемы реабилитации репрессированных народов // Информационный бюллетень Миннаца России. Федерация и народы России. № 2. М., 1998; *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006; *Бугай Н.Ф., Мамаев М.И.* Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США. М., 2009; и др.

² Сборник законодательных актов о реабилитации, принятых в государствах – бывших союзных республиках СССР. М., 1992; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: документы, факты, комментарии. М., 1994; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 гг. М., 2000; Реабилитация народов России. Сборник документов. М., 2002; Реабилитация: как это было... Т. 2. Февраль 1956 – начало 1980-х гг. М., 2003; Реабилитация: как это было: Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в середине 1930-х, 1940-х и начала 1950-х гг. и другие материалы. В 3 т. Т. 3. Середина 1980-х–1991 гг. М., 2004; Вайнахи и имперская власть: проблемы Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в. М., 2011; и др.

³ См. подробнее: *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003.

⁴ Письмо Л.П. Белковец в адрес Президента Российской Федерации В.В. Путина от 17 марта 2005 года. См.: Текущий архив Минрегиона России.

⁵ Общество турок-месхетинцев считает неправильным обвинять во всех грехах Сталина (<http://www.podrobnosti.ua/society/2006/03/05/292533.html> 05 марта 2006).

⁶ Там же.

⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 80, л. 24–30.

⁸ ГА РФ, ф. А-518, оп. 1, д. 15, л. 2.

⁹ *Шахбанова М.М.* Проблемы реабилитации репрессированных народов Дагестана (на примере чеченцев-аккинцев). Махачкала, 2006. С. 31.

¹⁰ ГА РФ, ф. А-518, оп. 1, д. 15, л. 2.

¹¹ Там же, л. 4.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 5.

¹⁴ Там же, л. 10.

¹⁵ Там же, л. 5.

¹⁶ Там же, л. 9.

¹⁷ Там же, л. 6.

¹⁸ Там же, л. 7.

¹⁹ Право пользования определялось такими законодательными актами, как постановление Совета Министров СССР от 21 июня 1946 г. «О распределении зимних пастбищ Госфонда “Черные земли” в Астраханской области и о мероприятиях по их использованию»; постановление Совета Министров СССР от 5 декабря 1949 г. № 5511 «О мерах по улучшению использования зимних пастбищ “Черные земли” в Астраханской области и Кизлярских пастбищ Госфонда в Грозненской области»; постановление Совета Министров РСФСР от 5 июня 1954 г. № 871 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ Госфонда “Черные земли” и Кизлярских пастбищ»; постановление Совета Министров РСФСР от 16 апреля 1955 г. № 532 «Об устранении чересполосицы и других недостатков в землепользовании на сезонных пастбищах в части территорий, входящих в состав Республики Калмыкия». Следует отметить, что из-за бессистемного использования калмыцких пастбищ ущерб, причиненный этим хозяйствам, по приблизительным данным, составлял 2 626.7 млн руб., из них на рекультивацию земель требовалось 204.7 млн,

арендную плату (1957–1992 гг.) – 1 134 млн, упущенная выгода составляла 1 288 млн руб. 12 ноября 1992 г. Верховный Совет Республики Калмыкия издал постановление № 444 «О праве землепользования отгонными пастбищами “Черные земли” в государственно-территориальных границах Республики Калмыкия – Хальмг Тангч», которым признавалось «утратившим право землепользования отгонными пастбищами “Черные земли” (601 тыс. га) в государственно-территориальных границах Республики Калмыкия – Хальмг Тангч хозяйств Республики Дагестан (в ведении находились 211 тыс. га) и Астраханской области (в ведении находились 390 тыс. га) с 12 ноября 1992 года». Постановлением поручалось Президиуму Верховного Совета и Совету Министров республики до января 1993 г. согласовать с руководством Республики Дагестан и Астраханской обл. порядок прекращения землепользования их хозяйственными отгонными пастбищами «Черные земли» на территории Республики Калмыкия – Хальмг Тангч. Одновременно на основании заключений Минсельхоза России, Госкомзема и Госкомнаца Минэкономики России по указанию Правительства Российской Федерации было поручено Совету Министров Республики перерегистрировать права пользования землей на основе Закона Российской Федерации «О земельной реформе» и заключить соглашения о сдаче в аренду ныне используемых пастбищ на «Черных землях» между Астраханской обл. и Республикой Дагестан. Все эти меры необходимо было завершить к началу 1993 г.

²⁰ ГА РФ, ф. А-518, оп. 1, д. 151, л. 8.

²¹ Там же, л. 10.

²² Там же, л. 9. Следует учитывать, что к 1960 г. в местах поселений (депортации) оставались еще около 100 тыс. чеченцев и ингушей. В числе их, по приблизительным данным, было около 30 тыс. трудоспособных граждан. В случае приезда в республику этой части депортированных в 1940-х гг. могли возникнуть дополнительные трудности с их трудоустройством, сопровождаемые социальной напряженностью. Была проведена соответствующая работа со специалистами Министерства сельского хозяйства РСФСР, которых возглавлял Д. Жуков, определены ссуды в размере 13 млн руб. и средства, направлявшиеся на строительство жилья, приобретение скота и др.

²³ Там же, л. 11.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 58.

²⁶ Там же, л. 11.

²⁷ Там же, л. 12.

²⁸ См. подробнее: *Ермекбаев Ж.А.* Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы; 2009.

²⁹ ГА РФ, ф. А-518, оп. 16 д. 15, л. 14.

³⁰ Там же, л. 20.

³¹ Там же, л. 53–54.

³² Там же.

³³ Там же, л. 22.

³⁴ Там же, л. 23.

³⁵ Там же, л. 24.

³⁶ Там же, л. 23.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 25.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 30–31.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, л. 34.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, л. 35.

⁴⁷ *Волгин В.* Калмыкия // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад. 2007. Сети этнического мониторинга. М., 2008. С. 291.

⁴⁸ Кабардино-Балкарская правда. 1994. 12 апреля.

⁴⁹ ГА РФ, ф. А-518, оп. 1, д. 15, л. 43.

⁵⁰ Там же, л. 35.

⁵¹ Там же, л. 45.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 56.

⁵⁴ Там же, л. 50–51.

⁵⁵ Там же, л. 46.

⁵⁶ Там же, л. 32.

⁵⁷ Там же, л. 33.

⁵⁸ Там же, л. 37.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, л. 38.

⁶² По данным Министерства здравоохранения РСФСР, в 1957–1960 гг. на территории РСФСР колхозы построили лечебные учреждения на 7 тыс. больничных коек, а также детские сады (ясли и др.) – на 150 тыс. мест (Там же, ф. А-518, оп. 1, д. 15, л. 40).